

ТРАВА НА АСФАЛЪТЕ

обложка

Э П И Ш А

АРИНА ОСТРОМИНА

ИЗ ТРЕТЬЕЙ
ЗОНЫ

Эйна из Третьей зоны

Арина Остромина

**Эйна из Третьей зоны.
Трава на асфальте**

«Издательский Дом Мещерякова»

2021

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6-445.1

Остромина А.

Эйна из Третьей зоны. Трава на асфальте / А. Остромина —
«Издательский Дом Мещерякова», 2021 — (Эйна из Третьей зоны)

ISBN 978-5-00108-998-8

Сильно ли отличается год 2123 от 1984-го? Казалось бы, да, но... Мир всё так же сотрясается от катастроф и разделён на зоны. Людям внушают, что о них заботятся, а они в это верят. Эйна живёт в одной из зон — в Третьей, промышленной. В приюте Эйну не любят за то, что она ходит в школу, в школе — за то, что живёт в приюте. Героине приходит идея, как отвлечь от себя обидчиков, но сработает ли план, построенный на лжи? Автор Арина Остромина уверена, что безвыходных ситуаций не бывает, а история Эйны из Третьей зоны покажет, что выход есть.

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6-445.1

ISBN 978-5-00108-998-8

© Остромина А., 2021
© Издательский Дом
Мещерякова, 2021

Содержание

Глава 1. Обычный зимний вечер	6
Глава 2. Фальшивое письмо	9
Глава 3. Коварный обман	12
Глава 4. Враг обезврежен	15
Глава 5. Второй враг тоже сдаётся	19
Глава 6. Дружба с Сарматом	22
Глава 7. В школу вопреки правилам	25
Глава 8. Лучше быть одной	29
Глава 9. Последние письма	33
Глава 10. Как Торлан стал Большим Туганом	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Арина Остромина

Эйна из Третьей зоны. Трава на асфальте

© А. Остромина, текст, 2023

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2023

* * *

Глава 1. Обычный зимний вечер

Вечернюю прогулку сократили из-за погоды. Наставница Фламия вывела нас во двор позже, чем обычно, – после дождя. Малышка Сара присела на мокрые качели, но под ногами у неё оказалась глубокая лужа – раскаться не удалось. Свистел холодный ветер; воспитанницы переступали с ноги на ногу, дышали на озябшие пальцы. Перчаток никто не носил. Да многие и слова такого не знали: читать умела только я, а увидеть настоящие перчатки в нашем городе было негде. Наставница Фламия громко высморкалась и велела девочкам вернуться в дом.

Я обрадовалась: не люблю гулять зимой, потом надо отогреться у батареи, чтобы пальцы на руках начали двигаться, да только желающих посидеть в тепле всегда больше, чем мест на скамейке. Валита и Думара, дальние родственницы Наставницы Фламии, грубо расталкивали мелюзгу вроде нас с Сарой. Иногда удавалось погреть пальцы под краном в туалете, но тёплая вода текла редко, а холодная плохо помогала.

Сразу после прогулки полагалось идти в общий зал и слушать вечернюю речь Наставницы Фламии. Мы давно знали наизусть всё, что она скажет. Сначала предложит почтить минутой молчания память Отца-основателя, потом будет говорить о его подвиге. Как мы все должны преклоняться перед его самоотверженностью. Ведь если бы не он, мы бы сейчас не сидели в этом прочном и надёжном здании, не имели бы работы, куска хлеба, пары ботинок и так далее. Да и вообще уже давно погибли бы в диких отравленных землях. А то и вообще не родились бы. Под конец Наставница Фламия переходила к описанию нашей роли: от усердия и трудолюбия каждой из нас зависят судьбы мира. Каждый работник важен для своего цеха, каждый цех важен для своего завода, каждый завод – для отрасли, а она – для благоденствия всего нашего государства.

Малышам было легче: их ненадолго собирали здесь перед ужином и слова выбирали попроще. Объясняли, какое светлое будущее их ждёт, как о них тут будут заботиться и как они потом оплатят государству добром – начнут работать на фабрике. А чтобы дети не скучали во время речи, им пели песни и устраивали подвижные игры.

Следующие две группы, младшая и средняя, слушали Наставницу Фламию вместе, и продолжалось это целый час. Считается, что в этом возрасте – с семи до тринадцати лет – девочки должны как следует проникнуться духом нашего великого государства, изучить его устройство, осознать своё место в мире. А место у нас простое и очень определённое. Ещё в приюте мы начинаем работать на фабрике, а в семнадцать лет переселяемся в фабричное общежитие и работаем уже полный день, а не укороченную смену, как в детстве.

С тринадцати до семнадцати лет, в старшей группе, речь наставницы ужималась до получаса, как для малышей. Потому что мы и так уже всё знаем, и нам надо только напоминать главные правила жизни в обществе, чтобы мы их не забывали. Я думаю, Наставница Фламия и сама устаёт твердить одно и то же по два часа в день. Сначала малышам, потом другим двум группам, а потом ещё и нам. Поэтому она иногда включает нам вещательное устройство – в это время как раз передают вечерние новости из Первой зоны, так мы приобщаемся к жизни государства. Там обычно рассказывают, как идут дела у учёных во Второй зоне, у рабочих в Третьей – в нашей, у аграриев в Четвёртой и у шахтёров в Пятой. У всех сплошные успехи, все постоянно разрабатывают новые проекты, производят отличную продукцию, добывают качественную руду и выращивают огромные урожаи.

Вот только не очень верится. Как работает наша фабрика, я наблюдаю уже несколько лет. Нет, там ничего плохого не происходит. Но и особых достижений тоже не видно. Есть план, мы его выполняем. И это даже не очень тяжело. Если мастера пытаются увеличить план, чтобы получить похвалу начальства, работники начинают спешить, портят детали, часть продукции идёт в брак, и результаты становятся только хуже. Поэтому все стараются работать размеренно,

неторопливо, без лишнего рвения. Я думаю, что и в других зонах всё примерно так же: работа идёт своим чередом, а правительство говорит об успехах. Наверное, считается, что это делает людей счастливее. Что им приятно ощущать себя частью великого государства.

И всё-таки многим воспитанницам нравилось спокойно посидеть полчаса в уютном натопленном зале, на стульях с высокими спинками. Изображать внимание, а на самом деле мечтать о чём-нибудь или даже дремать, если сесть в задние ряды. Поэтому сегодня вечером девочки смотрели на меня с сочувствием, ведь мне запретили слушать наставление. Днём было моё дежурство в спальне, а меня задержали на фабрике, и я опоздала. Поэтому не успела расправить подушки и одеяла на кроватях до вечерней проверки. За это меня и наказали.

Знали бы они, как я обрадовалась такой удаче! Пока все слушали монотонный голос наставницы, я удобно уселась на кровати, завернулась в одеяло, чтобы скорее согреться, и занялась уроками. Хотела подготовиться к контрольной по ботанике, повторить несколько глав из учебника. Тусклая лампочка под потолком едва освещала комнату, мелкие буквы на страницах учебника дрожали и расплывались.

Когда строили наш приют – лет тридцать пять назад, – весь третий этаж отвели под спальни и в каждую собирались поставить по сорок кроватей. Они туда действительно помещаются, но тогда там слишком тесно. Сейчас в приюте не так много воспитанниц, поэтому оставили только по тридцать кроватей в комнате, а лишние унесли в подвал. Но в нашей группе всего двадцать четыре девочки, и нам разрешили составить ненужные кровати в углу, в три яруса. Мы их используем вместо шкафа – очень удобно.

В спальне пять окон, и я специально выбрала место почти в самом углу, прямо под окном. Днём туда падает свет сначала из одного окна, потом из другого. Лампы днём не зажигают, а я иногда читаю на кровати, если есть время полежать.

Сейчас за чёрными прутьями оконной решётки желтел уличный фонарь, но в комнате от этого не становилось светлее. По стеклу хлестали потоки дождя, жалобно завывал ветер.

Я поднесла учебник ближе к глазам, но это не помогло. Я вздохнула: жаль, придётся ждать, пока собрание закончится. После отбоя, когда Наставница Фламия выключала в спальне свет и уходила в свои покои на четвёртом этаже, я молча лежала, пока все не заснут, а потом осторожно сядила на кровати, брала с тумбочки стопку книг и тетрадей, босиком пробираясь по пустому полутёмному коридору на лестницу и спускалась в вестибюль. Там, в небольшой квадратной камерке, каждую ночь дежурила тётушка Марта, наша сторожиха. Её столик освещала маленькая лампочка – хоть и неяркая, но читать можно.

Хорошо, что Марта устроилась сюда работать. Раньше она была нашей соседкой. После смерти родителей я уже год прожила в приюте, начала забывать прежнюю жизнь, когда однажды вечером спустилась в гардероб – хотела взять из кармана куртки обломок кирпича, который нашла на прогулке, – и увидела, что какая-то женщина бежит ко мне с раскинутыми руками. Я испугалась и попятилась, не узнала её. А она присела на корточки, взяла меня за плечи и спросила:

– Ты ведь Эйна, да? Не помнишь меня?

Я помотала головой.

– Я Марта! Из соседней квартиры. Мы с твоей мамой на работу вместе ходили, и ты с нами – до самой комнаты присмотра втроём шли, а там вы с мамой оставались воспитательницу ждать.

У меня зашипало в глазах. Я как будто увидела со стороны: вот две женщины в одинаковых синих комбинезонах шагают по улице. Вот между ними идёт маленькая девочка в нарядном голубом пальтишке – мама сама его сшила! Женщины держат девочку за руки, а когда впереди появляются лужи, девочка подпрыгивает, крепко уцепившись за руки взрослых, и перелетает на другую сторону. Я разревелась, как маленькая. А ведь мне было уже семь!

Марта увела меня к себе в каморку, напоила сладким чаем и сказала, что будет мне помогать. С тех пор я почти каждый день приходила туда. В первые годы только вечером, в свободные полчаса перед отбоем, а в старших классах мне уже понадобилась помощь посерьёзнее: днём я не успевала сделать уроки из-за работы в мастерской и на фабрике, поэтому приходилось заниматься по ночам. Но я со всем справилась. Мне уже исполнилось шестнадцать, через несколько месяцев я сдам выпускные экзамены и получу аттестат зрелости.

Пока я думала о Марте, погода совсем испортилась. Дождь бился о стекло, будто хотел его проломить, а я улыбалась: редко мне выпадала возможность побыть одной. Подрагивающий свет лампочки, порывы ветра за окном, резкий запах мокрых курток, брошенных на спинки кроватей, – и вокруг никого! Но счастье долгим не бывает. Дверь распахнулась, и я услышала грубый голос Валиты:

– Эй ты, лентяйка!

Я бесшумно заползла поглубже под одеяло и затаилась. Валита постояла у двери, пытаюсь привыкнуть к полумраку спальни после ярко освещённого зала. Потом сказала, уже не так сердито:

– Наставница Фламия тебя простила! Иди к остальным.

«Хорошо, что она меня не видит», – малодушно подумала я. Хоть бы меня оставили в покое ещё ненадолго! Но Валита направилась прямо к моей кровати, и прятаться дальше было бы глупо. Я высунула голову и пробурчала:

– Никуда я не пойду.

– Как это не пойдёшь? – удивилась Валита. Молча стащила с меня одеяло, а я от неожиданности взмахнула руками и случайно толкнула Валиту.

Как же она разозлилась! Схватила меня за плечи и поволокла на второй этаж, в общий зал. Я не сопротивлялась: Валита была в полтора раза крупнее меня. Наставница Фламия, увидев меня в руках своей любимицы, нахмурилась.

– Валита, что случилось?

– Она меня ударила!

Я попыталась объяснить, как всё было, но Наставница Фламия не стала слушать.

– Немедленно в изолятор!

Валита, Думара и ещё пара крупных воспитанниц окружили меня, крепко взяли за локти и повели вниз, к гардеробу, а за ним – по узкой лестнице дальше, в полуподвал. Длинный коридор без окон освещался редкими лампочками, с обеих сторон мелькали бесконечные кладовые с небрежными надписями белой краской: простыни, одеяла, подушки, куртки... В конце коридора несколько ступенек вели в технический подвал. В углу, за водяными баками и мерно гудящим насосом, небольшая дверь скрывала крохотную холодную комнатку без окон. Снаружи она закрывалась на засов, изнутри её было не открыть.

Глава 2. Фальшивое письмо

Из всех наказаний, которые Наставница Фламия применяла к воспитанницам, изолятор был самым неприятным. Там приходилось стоять в полной темноте положенное время, обычно несколько часов. Все боятся туда попасть: тело устаёт, на следующий день мышцы болят, тяжело работать за конвейером на фабрике. Сесть в изоляторе не на что, пол холодный, стены тоже, к ним не прислонишься. На корточках – ноги затекают.

Я здесь и раньше бывала, но со временем воспоминания вытеснялись, смягчались, и каждый раз я воспринимала всё как впервые. Сначала я попробовала открывать и закрывать глаза – никакой разницы.

Втянула носом воздух. Пахло сырой извёсткой и ржавчиной, как будто рядом проходят водопроводные трубы. И правда, ритмичное постукивание, едва слышное даже в этой мучительной тишине, могло означать, что с труб на каменный пол падают капли воды. Я шагнула вперёд – ладони коснулись холодной стены, – провела руками сверху вниз и наткнулась на горизонтальную трубу. Нижний край был влажным. Лизнула палец: что ж, от жажды я тут не умру.

Ботинок упёрся во что-то твёрдое, раздался стук. Я наклонилась, нащупала прохладную округлую поверхность, вспомнила: ведро. Стоит в углу на всякий случай, ведь в туалет отсюда не выпускают.

Чтобы не терять время, я сделала телесную разминку, ведь тело надо укреплять, особенно мне. Врагов у меня много – физическая сила не помешает. Валита с Думарой вечно меня задирают, прячут мои учебники, в столовой выхватывают из рук хлеб. Я догадывалась, что они мне просто завидуют: во всём приюте я одна смогла поступить в школу. Знали бы, сколько я слёз пролила, пока готовилась, – не завидовали бы. К тому же в школе тоже не сладко: там, наоборот, меня ненавидят за то, что я из приюта. Будто я виновата, что у меня родители умерли.

Без света все движения казались непривычными, более плавными, как во сне. Но я упорно махала ногами и руками – старалась всё делать так, как учили в школе, на уроках телесного здоровья. Иногда теряла равновесие, начинала падать. Это меня не пугало: падать тоже надо уметь. Пока не научишься, ходишь весь в синяках. А если сломаешь руку или ногу, будет совсем плохо. Работать не разрешат, пока не поправишься, а без работы паёк в два раза меньше.

Это и понятно, ведь нас кормят для того, чтобы мы хорошо трудились на заводах и фабриках. «Кто не работает, тот не ест» – так говорили ещё двести лет назад, но этот принцип не устарел, его применяют и в нашем государстве. Поэтому болеть очень невыгодно.

А вообще у нас неплохое питание – спасибо Комитету защиты детства, он следит за всеми приютами. Считается, что очень важно кормить воспитанников четыре раза в день. У нас и рацион рассчитан по всем правилам: белки, жиры, углеводы. Всё ради здоровья!

Жаль, что сегодняшний вечер неудачно сложился. Мне так хотелось позаниматься ботаникой, пока все слушают Наставницу Фламию! Я постаралась представить обложку учебника как можно подробнее. Сверху голубое небо, по нему в две строчки ярко-красная надпись: «Ботаника, 8 класс». Ниже – настоящий лес, с высокими зелёными деревьями, с цветами на опушке. Девчонки иногда просили меня показать им библиотечные книги. Картинки были и в других, но учебник ботаники – самый красивый. Там столько чудес природы нарисовано!

У нас в городе совсем нет деревьев. В школе говорили, что климат здесь неподходящий. Зимой у нас часто идут дожди, но это недолго. А весной начинается жара, и до следующей зимы в городе очень сухо. Раньше на этих землях строили специальные оросительные системы, чтобы поливать растения, но это сложно и дорого. Надо подводить воду от крупного природного водоёма, а их тут нет. Когда строили нашу Третью зону, почти пятьдесят лет назад, вырыли

огромный котлован – Великое водохранилище. Но откуда в нём берётся вода, никто не знает. В школе почему-то запрещают об этом спрашивать. Некоторые думают, что к нему ведут подземные трубы от Второй зоны или даже от Первой – у них на севере есть водоёмы, там хватает воды.

Но Отец-основатель и его помощники решили, что в Третьей зоне не нужны деревья. И установили такие нормы потребления воды для нашего города, чтобы её хватало только предприятиям и людям.

Правда, у нас есть трава. Каждую весну она пробивается через трещины в асфальте и вдоль дорог, где у края тротуара есть узкие полоски земли. На улицах её быстро вытаптывают. У дорог трава держится дольше, до начала лета, а потом всё равно засыхает. Тоже из-за нехватки влаги. Дождей летом не бывает.

Я мало что запомнила из раннего детства, но при виде травы всегда думала о маме. Мы с ней ходили гулять на площадку прямо за нашим домом. Длинная кирпичная стена отделяла жилую зону от промышленной, и под этой стеной в первые тёплые дни показывались зелёные ростки. Мы опускались на корточки и осторожно притрагивались к ним. Мама говорила:

– Смотри, Эйна. Это чудо!

Я знала это слово из сказок, которые мама читала мне по вечерам, но не понимала, как чудо могло попасть в наш обыкновенный двор. Мама улыбалась и объясняла:

– Чудо, потому что природа снова ожила.

– Как принцесса?

– Не совсем. Принцесса только один раз ожила, а природа – каждый год.

Но если она так часто оживает, значит, она и умирать должна так же часто? Думать об этом было и грустно, и радостно. Мама говорила, что весна для природы – как детство для человека. Трава рождается и растёт.

– А потом? – спрашивала я.

– Потом... – Мама ненадолго замолкала, как будто хотела подобрать правильные слова. – Потом детство кончается. Наступает лето.

– А трава? Куда летом трава девается?

Но больше я ничего не могла вспомнить.

Я шагала по изолятору от двери к стене и обратно: четыре шага в одну сторону, четыре в другую. От боковой стены до боковой – три. Жалела, что не смогу выспаться перед контрольной. Здесь, стоя посреди изолятора, даже задремать не удастся. Зря я Валиту не послушалась сразу: нельзя было ждать, пока она к моей кровати подойдёт.

Глупо получилось. Если завтра я не отвечу на вопросы с первого раза, надо будет после уроков оставаться, переписывать. Значит, не успею на обед. Сара припрячет мой кусок хлеба, но вынести из столовой мою миску супа ей не разрешат. Придётся идти на фабрику голодной.

Чтобы не терять время впустую, я представила страницы учебника, которые собиралась повторять ночью, в каморке у тётушки Марты. Вспомнила не всё, но некоторые темы удалось «увидеть». Я проговорила их вслух. Если повезёт с вопросами на контрольной, могу с первого раза написать.

Я не знала, сколько времени уже прошло. Но думать о ботанике мне надоело, и я стала размышлять о Валите.

Если бы она от меня отстала, у меня бы оставалось больше времени для учёбы. Но как её отвлечь от меня, чем её можно заинтересовать? Вот если бы она влюбилась! Да только не в кого. Познакомиться с мальчиками она может только на фабрике: там работают воспитанники из обоих приютов – и женского, и мужского. Но я что-то не замечала, чтобы Валита во время смены с кем-то разговаривала.

У меня, казалось бы, возможностей больше, я ещё и в школе парней вижу, но там у нас только домашние, из приюта я одна. А домашние с приютскими не общаются: и негде, и незачем. На Валиту они и смотреть не станут. А что, если разыграть её? Я же могу написать Валите фальшивое любовное письмо – как будто какой-то мальчик из школы её заметил. Читать Валита не умеет, к Наставнице Фламии с таким письмом не пойдёт. Значит, меня попросит прочитать. А заодно и относиться ко мне будет лучше.

В голове у меня тут же развернулся грандиозный план. Мальчик должен быть вымышленный и безымянный, чтобы его нельзя было найти. Допустим, он часто ходит в школу мимо нашего приюта и видит во дворе красивую воспитанницу. Она ему очень нравится, но он не знает, как с ней познакомиться. Вот только как дать понять, что он именно про Валиту пишет? Одежды мы все одинаково: грубые серые штаны, брезентовые куртки, чёрные ботинки. Чем Валита отличается от других?

Во-первых, она высокая. Они с Думарой выше всех в нашей группе, хотя им тоже по шестнадцать, как и мне. Теперь надо понять, как её не спутать с Думарой. Ну, это просто! У Валиты волосы светлые и пышные – таких больше ни у кого нет. А у Думары чёрные. Вот и отлично, я всё решила: завтра в школе напишу такое письмо и подкину его к воротам, когда буду возвращаться. На заборе есть место, где откололся кусок камня и получилась небольшая выемка – девчонки оставляют в ней свои находки, которые нельзя приносить в приют. На улице иногда попадаются красивые вещицы: то расчёска с гнутыми зубьями, то круглое зеркальце, то разноцветный мячик. А этот выдуманный мальчик мог заметить, когда проходил мимо наших ворот, как девчонки что-то прятали, – вот и письмо туда же подбросил.

Я прямо развеселилась, пока сочиняла эту историю. Главное, держать всё в тайне! Даже Саре не скажу. Пусть Валита о своём поклоннике переживает вместо того, чтобы к нам приставать. Не забыть бы до завтра, что я придумала. Напишу так: «Дорогая прекрасная незнакомка! Я часто вижу тебя во дворе приюта. Ты поразила меня своей красотой. Ты высокая, как я. Но сильнее всего меня восхищает твоя причёска. Она как золотое солнце. Я хочу смотреть на тебя снова и снова». А можно ещё и ошибок наделать! Как будто писал безграмотный двоечник. Валита этого не поймёт, конечно, но мне будет приятнее считать её вымышленного поклонника дураком.

Пока я хихикала, представляя дурацкие ошибки, заскрежетал ключ в замке, и мне в глаза ударил свет. В дверном проёме стояла тётушка Марта.

– Ах ты, бедняжка! Устала, небось? Наставница Фламия велела тебя до двух часов не выпускать. Но я пораньше пришла. Всё равно она не заметит.

Я потёрла глаза, потянулась. От яркого света сразу захотелось спать. Пока мы шли по пустым тихим коридорам, я спросила:

– Можно я к тебе спущусь? Надо уроки доделать.

– Ладно уж, приходи.

У дверей спальни я расшнуровала ботинки и взяла их в руки, чтобы никого не разбудить, на цыпочках прокралась к своей тумбочке, взяла учебники и пошла вниз повторять ботанику. Иногда, подняв глаза над страницей, я вспоминала свой план и загадочно улыбалась. Тётушка Марта дремала на кушетке, поэтому я не опасалась, что она будет меня спрашивать.

Глава 3. Коварный обман

Выспаться после изолятора, конечно, не удалось. Зато завтрак в тот день был горячий – не всегда нам так везёт! У нашего повара сложный график, к нам в приют он приходит в разное время. Работы тут немного: вскипятить воду в нескольких больших баках, бросить туда брикеты. Из зерновых брикетов получается каша, из витаминных – горячий утренний напиток. Поэтому каждый повар успевает обслуживать несколько учреждений, а в каком порядке их чередовать, решает его начальство. Иногда повар приходит к нам в пять часов, и тогда всё остывает до нашего подъёма. Иногда в шесть, как сегодня. Люблю такие дни!

Над баком с кашей поднимался ароматный белый пар. Да ещё и мой любимый из всех витаминных напитков дали: тёмно-красный, с кисло-сладким вкусом. Это меня взбодрило, и я весело побежала в школу. Девчонки после завтрака вернулись в спальню – кто идёт на фабрику в утреннюю смену, у тех ещё полчаса до выхода. А кто в дневную, у тех сейчас по расписанию швейная мастерская.

Небо над городом, как всегда, казалось низким и тяжёлым. Не знаю, как в других зонах – часто ли там бывает чистое небо, – но в нашей, промышленной, по утрам его не увидишь. У всех фабрик и заводов такой график, что в конце каждой смены они выбрасывают в атмосферу всё, что накопилось за восемь часов работы. Нам объясняли, что властям так удобнее контролировать уровень загрязнения воздуха. Может, и удобнее. Но каждое утро я наблюдала одну и ту же картину: тёмные клубы дыма над крышами домов, как будто всё небо в тучах. К полудню дым развеивался, небо становилось голубым. Порой даже солнце выглядывало. Но я в это время ещё сидела на уроках.

Над школьным крыльцом висели большие круглые часы. Старинные – теперь таких не делают. Со стрелками. Помню, как долго я училась определять по ним время. Обычно всё просто: две цифры – часы, две цифры – минуты. Ноль семь и тридцать пять. А тут надо было хитро высчитывать. Я только к концу первого класса научилась – мне тогда уже девять лет исполнилось.

Я посмотрела на стрелки. Почти полчаса до первого урока. Это хорошо, можно ещё раз повторить ботанику. Я уже поставила ногу на ступеньку, когда открылась дверь и на крыльцо вышел Большой Туган. Это кличка такая, все уже давно забыли, как его на самом деле зовут. Высокий и толстый, вечно цепляется ко мне: как увидит, сразу пытается толкнуть, да по сильнее – так, чтобы я упала. А если увернусь, догонит и больно стукнет по затылку. Жаловаться бесполезно: его отец – большой начальник на механическом заводе, элита. Наши школьные дарители знаний пикнуть перед ним боятся.

Я тяжело вздохнула и остановилась у крыльца. Лучше не подниматься, а то падать с лестницы будет больнее. Лучше уж тут подождать. Большой Туган не понял мою хитрость, радостно спустился по ступенькам и сделал именно то, чего я ждала: изо всех сил толкнул меня. Но не зря же я каждый день разминку делала! Я ловко сгруппировалась, приземлилась на обе руки и смягчила удар. Зато учебники красиво разлетелись во все стороны – так и было задумано! А тупица Большой Туган ничего не заметил. Гнусно ухмыльнулся и стал смотреть, как я собираю книги. Решил, что напугал меня. А мне было смешно, но я не подавала виду, потому что, пока он нападал, я придумала ещё одну отличную идею! Его-то я и сделаю вымышленным поклонником Валиты.

Теперь надо было подождать, что будет дальше. Если Большой Туган снова меня толкнёт, придётся изобразить настоящее падение. Кажется, я стала мастером красивых падений. Жаль, что на ботанику времени уже не останется, опять буду книги собирать. А если он сейчас уйдёт, я ещё успею добежать до класса и позаниматься немного. Мне повезло, из-за угла появились

друзья Большого Тугана. Он замахал руками, радостно заголосил, про меня забыл. Я взбежала по ступенькам и понеслась в класс.

На контрольной всё прошло удачно. Я вообще ботанику люблю, да и учебник полистать успела. Быстро ответила на вопросы, сдала бланк. До звонка оставалось пятнадцать минут, самое время заняться поддельным письмом. Только теперь мой план усложнился: я решила написать сразу два письма: Валите – от лица Большого Тугана, а ему – от лица Валиты. Пусть поломают головы, кому они так понравились. Правда, Валита писать не умеет. Нужно как-то намекнуть, кто за неё пишет. Если упомянуть «другую воспитанницу», подозрение упадёт на меня, ведь из нашего приюта только я хожу в школу. Тогда так: Валита как будто попросила одну работницу на фабрике помочь ей с перепиской. Хотя, пожалуй, лучше совсем ничего не объяснять.

Я быстро записала текст, который сочинила в изоляторе. Аккуратно вырвала листок из тетради, свернула, спрятала в карман штанов. Написала второе письмо, для Большого Тугана. Текст был почти такой же: «Дорогой прекрасный незнакомец. Я иногда вижу тебя на улице около школы. Ты поразил меня своей красотой. Ты высокий, как я. Но сильнее всего меня восхищает твоя фигура. Ты как...» Тут я задумалась – как что? Валитину причёску я сравнила с солнцем – это легко, золотой шар, всем понятно. А на что похожа фигура Большого Тугана? На фабричную трубу? На многоэтажный дом? С чем же его сравнить?

О, придумала! У нас на главной площади стоит большой каменный поминальник в честь Отца-основателя. Того самого, о котором нам каждый вечер рассказывают в приюте. Всю его биографию мы уже наизусть выучили. Больше пятидесяти лет назад, сразу после катастрофы, Отец-основатель привёл наш народ в этот безопасный край и взял на себя ответственность за судьбу выживших. Его мудрость помогла нам выстроить новый мир, а его щедрость позволила каждому члену общества получить крышу над головой и кусок хлеба.

После смерти Отца-основателя по всему миру наставили «поминальники» – это такие высокие прямоугольные столбы с высеченными позолоченными надписями. В выходные принято было поклоняться поминальнику. Когда я ещё жила с родителями, они меня туда не водили. Может быть, от маленьких детей это не требуется. Но в приюте я давно привыкла раз в неделю молча стоять у подножия столба, краем уха слушая монотонные речи наставниц и думая о чём-нибудь приятном.

Сейчас нашим миром правит сын Отца-основателя. На фабрике, кажется, его не очень любят – некоторые работники ещё помнят рассказы своих родителей о жизни в старом мире, до катастрофы. Говорят, было лучше. Но при начальстве молчат, такие разговоры до добра не доведут. Несколько раз случалось, что какой-нибудь молодой работник переставал приходить на фабрику, и на его место у конвейера ставили кого-то другого. Уйти с фабрики разрешалось только после пятидесяти лет. Значит, была другая причина, почему работника заменяли. Но если мы спрашивали, куда делся прежний, мастера отвечали, что такого человека нет в наших списках. Я подозревала, что это было как-то связано с неправильным отношением к нашим порядкам, но ни с кем не делилась своими догадками.

А в школе нам всю расхваливали и наш режим, и нашу власть, и справедливость наших законов. Как и в приюте, мы часто повторяли биографию Отца-основателя. Думаю, Большому Тугану понравится такое сравнение! Значит, так: «Ты огромный, как поминальник. Я хочу посмотреть на тебя снова и снова».

Но как подкинуть письмо Большому Тугану, чтобы получилось правдоподобно? И чтобы он меня не заподозрил? Я засунула руку в карман поглубже. Точно, ещё одна галета осталась, – это меня тётушка Марта ночью угостила. Я вспомнила, что на улице недалеко от школы всегда шляются беспризорные мальчишки с окраин. Они не сироты, но в школу не ходят, потому что их родители поленились подготовить их к экзамену. По правилам такие дети должны идти на

заводы, как и приютские. Но даже если они работают – детская смена всего четыре часа, а в остальное время беспризорники делают что хотят.

Выберу самого неприметного, дам ему галету, и пусть подсунет письмо Большому Тугану в карман. Да ещё пусть толкнёт его сначала, а потом сразу убежит. Надеюсь, Большой Туган догадается связать эти две вещи: его толкнул мальчишка, а потом в кармане появилось письмо. А если и не догадается – ему же хуже, пусть ломает голову.

Так я и сделала. После уроков вышла из школы одной из первых, разыскала стайку уличных оборванцев, утащила одного за угол и предложила выгодную сделку. Он согласился, мы вместе подкараулили Большого Тугана, и я из укрытия подсматривала, как мой посланник сунул ему в карман письмо. Отдала обещанную галету и помчалась в приют, чтобы и к обеду успеть, и немного позаниматься перед тем, как идти на работу. У ворот я ненадолго замедлила шаг и незаметно засунула сложенный тетрадный листок в нишу под камнем. Днём, пока я буду на фабрике, остальные воспитанницы пойдут на прогулку и проверят наш тайник.

Глава 4. Враг обезврежен

В тот день смена пролетела быстро, я всё время прокручивала в голове слова поддельных писем и пыталась представить себя то на месте Валиты, то на месте Большого Тугана.

Хорошо, что я уже давно работала на этом сборочном участке, руки сами двигались в привычной последовательности: белый элемент опустить в белую ячейку, красный штекер вставить в красное гнездо, повернуть два латунных зажима по часовой стрелке на один оборот, сдвинуть синюю крышку вправо. И так раз за разом, модуль за модулем. Работа была простая, но некоторые ошибались, не выдерживали быстрого темпа и однообразных действий.

Если ко мне с предыдущего участка поступал бракованный модуль – например, кто-то забыл вставить на место одну деталь, – я должна была сбросить брак в выдвижной ящик и нажать кнопку вызова мастера. Мне это ничем не грозило – наказывали того, кто на самом деле виноват, но после смены приходилось задержаться всем, кто из-за него не выполнил норму.

Поэтому я всегда радовалась, если за всю смену ни одного такого сбоя не случилось. Это значило, что мы вернёмся в приют вовремя, как раз к ужину. Утренняя и вечерняя смены отправлялись в столовую раньше, вместе с младшими воспитанницами, а для дневной смены оставляли ужин на отдельном столе.

Когда я зашла в спальню, чтобы бросить там сумку, девчонки стояли вокруг Валитиной кровати и что-то шумно обсуждали. Увидели меня – сразу замолкли. Валита встала, двинулась ко мне:

– Эйна, ты нам нужна.

«Да неужели? Вот так неожиданность». Я ничего не ответила, просто посмотрела на неё с интересом.

– Мы тут какую-то записку нашли! Может, что-то важное? Прочитай, а?

Я взяла бумажку. Они уже час вертели в руках моё письмо и не знали, что с ним делать.

Медленно прочитала вслух, стараясь не хихикать. Девчонки слушали, не дыша от волнения. Потом начали ахать и охать:

– Золотое солнце!

– Причёска как золотое солнце! Как красиво!

– Да это же Валита! – крикнула одна из девочек.

– Точно, смотрите! Это ведь только у неё такая причёска!

Валита неожиданно покраснела. Вот это да! Я и не знала, что у неё тоже есть какие-то чувства. Я думала, только такие слабачки, как мы с Сарой, могут покраснеть.

Валита выхватила у меня записку и убежала в коридор. Я бросила куртку на кровать, пошла в столовую.

Другие воспитанницы, которые тоже пришли после дневной смены, уже начали есть. Я взяла тарелку с зеленоватой витаминной массой – у нас её называют салатом, там не хлопья, как в брикетах для каши и супа, а твёрдые кубики растительного концентрата, их надо тщательно пережёвывать. Это полезно для зубов: если питаться только мягкой пищей, зубы могут испортиться – так нам в школе говорили. А вот белковый напиток в кружке уже совсем остыл, пока я читала Валите письмо. Его лучше пить горячим – так он вкуснее. Да и приятнее пить горячее, когда приходишь с холодной улицы, озябший.

Краем глаза я увидела, что на скамейку рядом со мной кто-то присел. Оказалось, это была Валита. Она достала из кармана галету, протянула мне:

– На, поешь. От обеда осталась.

– Спасибо! – Я обрадовалась, с наслаждением откусила хрустящую галету.

Валита развернула записку, робко спросила:

– Можешь снова прочитать? Я не всё запомнила.

Я прожевала галету и прочитала своё сочинение ещё раз. Валита поправила волосы, потом смущённо сказала:

– Эйна... а что, это правда?

– Что – правда?

– Ну... что причёска у меня как золотое солнце?

Я посмотрела на Валиту, наклонила голову, нахмурилась, как будто размышляю.

– Слушай, а ведь и правда! На солнце похоже!

Лицо Валиты расплылось в улыбке. Она дружески хлопнула меня по плечу и убежала к своим подругам. Те, кажется, расстроились, что не их признал красавицами таинственный незнакомец.

Похоже, мой план сработал. Теперь я нужна Валите. Она, кажется, поняла, в чём моя ценность: если я умею читать и писать, можно через меня переписываться с мальчиками. Значит, Валита больше не будет отнимать и прятать мои учебники. Может, и к Саре приставать перестанет.

А на следующий день Валита ещё больше меня удивила. В расписании у меня стояла вечерняя смена, на фабрику я должна была идти после ужина. А до этого нас ждали швейная мастерская и дневная прогулка.

Мы шили пододеяльники, я спешила закончить свою норму. Вошла Наставница Фламия, крикнула противным резким голосом, чтобы заглушить стрёкот швейных машинок:

– Ва-а-а-аспитанницы! На-а-а-а пра-а-а-агулку!

Все вскочили, толпой вывалились в вестибюль – мастерские занимали весь первый этаж, по обе стороны от гардеробов. Девчонки схватили куртки и, одеваясь на ходу, выбежали на крыльцо. Спешили погреться на солнце после мрачных залов с бледным голубоватым освещением. У входной двери, как раз перед каморкой тётушки Марты, на стене висело зеркало. Все уже ушли, я плелась последней. Задержалась, чтобы посмотреть на себя. Ничего особенного. Рост так себе, средний. Фигура как у всех – я не такая мелкая, как Сара, но и не крупная, как Валита с Думарой. Тёмные волосы болтаются у плеч, как верёвки. Я их подрезаю ножницами каждый месяц – не люблю, когда отрастают. Глаза серые, как дым из фабричных труб. Что бы про меня написал «прекрасный незнакомец», если бы он на самом деле существовал? С чем бы он меня сравнил?

Впервые до меня дошло, что Валита в чём-то оказалась лучше меня! А я всегда считала её никчёмной дурой. А у неё зато причёска как золотое солнце! Хоть я и сама это придумала, но мне вдруг стало обидно: Валита самая заметная у нас в приюте, красавица. Не то что я. И что толку, что я в школе учусь. Всё равно потом на той же фабрике придётся работать. Ну, разве что до мастера дорасту, если попаду на курсы после школы.

С такими мрачными мыслями я вышла за дверь и невольно улыбнулась. На чистом небе сияло то самое солнце, о котором я только что думала. Оно ярко освещало двор, а вдоль забора лежали резкие тени железных прутьев, как будто кто-то расчертил асфальт чёрными полосками. Девчонки с визгом носились друг за другом, особенно малышня. Я не сразу разглядела своих, на дневную прогулку все группы выходили одновременно, все сто пятнадцать воспитанниц. Хотя строился наш приют на сто шестьдесят человек. В прежние годы тут, наверное, не протолкнуться было во время прогулок. А может, девочек выводили не всех сразу, как сейчас, а по очереди.

Наставница Фламия шепталась на скамейке с другими наставницами, на воспитанниц не смотрела. Думара сидела на качелях. Лужа прямо у неё под ногами ещё не просохла – она там почти до лета останется, – но Валита с другими девчонками раскачивали подругу и хохотали.

Наконец я заметила Сару. Она сидела на корточках у забора и что-то рассматривала. Я пошла к ней.

– Привет, малышка! Что делаешь?

– Да вот, смотри, что у меня есть! – Сара показала рыжий обломок кирпича. – Здорово, да? – Она провела обломком по асфальту, вдоль одной из полосок тени. Получилась красивая ровная линия.

– А можно мне?

Сара протянула мне свою драгоценность. Я быстро нарисовала круг, от него палочки во все стороны.

– Солнце! – улыбнулась Сара.

– А так? – Я провела внизу прямую линию, над ней начертила большой прямоугольник, закрасила его рыжим, оставила только маленькие пустые квадратики. А рядом с прямоугольником нарисовала человечков.

– Ой! Это же наш приют! И мы гуляем! – воскликнула Сара.

Мне хотелось её порадовать, и я начала рисовать деревья рядом с приютом – это уже совсем сказочная картинка получалась, ведь деревьев у нас не было. И вдруг сзади раздался крик:

– Воспитанница Эйна! А ну, встать!

Я испуганно подняла голову. Прямо надо мной стояла Наставница Фламия.

– Нарушаем? Правила прогулки для кого составлены? Отвечай!

Я быстро забормотала давно заученные слова:

– Воспитанница обязана выходить на прогулку по расписанию, если дозволено наставницей. Воспитанница обязана одеваться сообразно погоде и времени года. Воспитанница обязана ходить по центру двора, чтобы поддерживать тело в хорошем состоянии. В виде исключения разрешается посидеть на скамейке не больше двух раз за время прогулки. В виде исключения разрешается покачаться на качелях не больше одного раза в день.

– И где тут сказано, что можно сидеть на корточках у забора?

Она подошла ближе, увидела рисунок на асфальте. Лицо Наставницы Фламии, и так красноватое, побагровело от злости.

– А это ещё что? Запрещённые предметы на территории приюта! Где взяла? А ну, отвечай!

Я молчала, в отчаянии глядя под ноги, – Сару выдавать было нельзя, она трусиха, в тёмном изоляторе перепугается до смерти. Но на себя брать вину мне тоже не хотелось – я ещё уроки не сделала, а в изоляторе за такой проступок придётся весь вечер просидеть.

И вдруг я услышала голос, который в другое время показался бы мне противным, но сейчас он звучал как волшебное пение! Валита спокойно сказала:

– Наставница Фламия, это я дала Эйне обломок.

– Что-что? – растерянно переспросила Наставница Фламия. – Как... Ты?

Валита была её дальней родственницей, как и Думара, – Наставница Фламия её обожала. Как она могла поверить, что её любимица принесла во двор обломок кирпича, который ещё к тому же и следы на асфальте оставляет? Но Валита продолжала:

– Да, Наставница Фламия. Простите. Иду я сегодня с фабрики, вижу – под ногами кусок кирпича валяется. Красивый такой! Не удержалась, сунула в карман. Простите, я виновата!

Наставница Фламия оживилась:

– Погоди-погоди! Так, значит, Эйна у тебя из кармана его украла?

– Ну что вы, Наставница Фламия! Как вы могли такое подумать! Я сама его дала Эйне. Рисовать ведь только она умеет. Вот я и подумала: пусть потренируется на асфальте, пока мы гуляем. Ей это для школы пригодится.

Наставница Фламия непонимающе захлопала глазами. От Валиты она такого не ожидала. Как, впрочем, и я.

– Ну тогда... Так и быть, я тебя прощаю! Только рисунки эти сотрите немедленно!

– Слушаюсь, Наставница Фламия! – весело согласилась Валита и начала энергично тереть подошвой ботинка мой рисунок.

Я пихнула Сару в бок: мол, давай присоединяйся! Стирай рисунок! Валита хмыкнула и подмигнула нам:

– Видите, как с ней легко! Попросил прощения, признал свою вину – и никакого изолятора.

Мы с Сарой переглянулись. Вряд ли Наставница Фламия могла бы нас так легко простить. Но Валите ничего не сказали. Кажется, теперь у нас появилась могущественная защитница.

Глава 5. Второй враг тоже сдаётся

В приюте мне больше ничего не грозило: когда Валита заступилась за нас с Сарой на прогулке, все остальные поняли, что мы теперь под её защитой. Валиту все боялись, никто не смел обращаться плохо с теми, кто ей нравился. Я и сама не ожидала, что расположение Валиты так сильно облегчит мою жизнь! Даже Наставница Фламия больше не цедила сквозь зубы «как ты мне надоела», когда я приходила попросить вечернюю смену вместо утренней. А ведь я причиняла ей больше всего хлопот.

Она меня невзлюбила с первого дня, как только увидела мои документы. Я тогда ещё не понимала почему. Мне потом тётушка Марта объяснила, что это из-за родового номера. Мой дедушка по папе получил номер в первой десятке тысяч, а это считалось почётным – такие семьи в нашей зоне уважали. Это не давало мне никаких поблажек, однако Наставница Фламия считала это несправедливым: убогой сиротке вроде меня достался номер из четырёх цифр, а ей, уважаемой опытной сотруднице, – из пяти.

Но была и другая причина для недовольства: моя учёба в школе. Мне постоянно требовалось особое расписание. Да ещё и эти письма от директора школы, где он приказывал освободить меня от некоторых обязанностей, чтобы я могла каждое утро уходить из приюта на несколько часов! Конверты с государственной печатью приносил официальный курьер, элегантный молодой человек в отглаженном форменном костюме. Ослушаться директора школы Наставница Фламия не могла: он бы пожаловался на неё в Комитет защиты детства, а оттуда прислали бы проверяющих. И мало ли что они нашли бы! Хоть Наставница Фламия и твердила, что у неё в приюте все законы и правила соблюдаются до мельчайших деталей, среди воспитанниц ходили разные слухи. И про одежду, которую нам слишком редко меняли. И про паёк, который иногда казался чуть-чуть урезанным.

И вот теперь из-за какого-то глупого письма, придуманного от злости, я освободилась от пристального внимания Наставницы Фламии. Раньше она всё время искала, к чему бы придраться и за что меня наказать, а сейчас словно забыла обо мне. Перестала меня замечать, как будто я больше не существовала.

Однако перемены к лучшему случились и в школе! Прошло два дня после того, как я подсунула первое письмо Большому Тугану. Я медленно плелась по улице. Завтрак в то утро оказался холодным, я проглотила безвкусную кашу, сунула в карман кусок хлеба, залпом выпила кисловатый витаминный напиток и вышла из приюта раньше, чем обычно.

Улицы нашего города выглядели неплохо только днём, когда появлялось солнце. А по утрам, под тяжёлым задымлённым небом, картина казалась унылой и безрадостной: обшарпанные, закопчённые дома, замусоренные улицы, угрюмые редкие прохожие в одинаковых серых робах. На стенах и заборах висели клочья старых объявлений о приёме на работу, поверх – криво наклеенные новые листки.

Чтобы убить время, я замедлила шаг и прямо на ходу пыталась читать, что там написано. На многих листках буквы казались бледными, неаккуратными, а текст – скучным. Там говорилось, что за хорошую работу можно добиться перевода с одного предприятия на другое, и указывались фабрики, на которых требовались новые сотрудники. Иногда всплывали и другие вакансии: сторож, дворник, гардеробщик. Но некоторые объявления бросались в глаза: плотная белая бумага, яркие краски. И везде – слово «Биржа» наискосок.

В школе мы изучали древнюю историю – там тоже были биржи. Но вряд ли наши биржи такие же, как прежние. У нас в центре города, прямо на главной площади, стоит высокое здание. Вывески на нём нет, но все называют его биржей. Правда, для чего она нужна, никто тол-

ком не знает. Пока я шла, повернув голову к забору и рассматривая объявления, меня заметил Большой Туган. Он, как всегда, пришёл в школу первым и стоял на крыльце.

Я обречённо остановилась перед нижней ступенькой и приготовилась красиво падать. Большой Туган спустился по лестнице, но не толкнул меня, а почему-то поздоровался:

– Привет! Ты вроде Эйна, да?

– Вроде да.

– Из приюта? И как там у вас – в школу кто-нибудь ходит, кроме тебя?

– Нет, только я.

– А другие что – вообще, что ли, читать и писать не умеют?

– Конечно.

– Как же они обходятся? Если им, например, написать что-то надо?

– Не знаю. Может, на фабрике кого-то просят. А зачем тебе?

Вот тут я его поймала. Большой Туган не ожидал такого вопроса и не успел ничего придумать. Сказал, что просто так спрашивает, но и сам понял, что это выглядело подозрительно.

В это время подошли его парни. Удивились: вчера он меня при них с лестницы толкнул, а сегодня поздоровался. Сармат спросил:

– Чего это ты тут с ней стоишь?

Большой Туган сначала смутился и отвёл глаза, а потом поднял голову и сказал:

– Да ладно вам. Нормальная девчонка, хоть и из приюта. Хватит уже приставать к ней.

Не знаю, кто сильнее удивился – его друзья или я. Мы с ними ошарашенно посмотрели друг на друга, но тут прозвенел звонок, и все пошли в класс. Весь первый урок я витала в облаках, не слушала дарителя знаний, прокручивала в голове утреннее происшествие. Кажется, теперь меня и в школе никто не будет бить. С таким защитником, как Большой Туган, мне больше никто не страшен.

А после уроков я снова увидела его на крыльце. Я остановилась, в животе всё противно сжалось: а вдруг Большой Туган передумал? Незаметно проверила, застёгнута ли сумка, – на крыльце после вчерашнего дождя ещё не просохли лужи, не хотелось бы уронить туда книги и тетради. Большой Туган улыбнулся и сказал:

– Слышь, давай я тебя до приюта провожу!

Но я ещё не настолько ему доверяла, чтобы решиться на такое. Может, его дружки нас за углом поджидают. Нападут на меня, избыют, сумку отберут. Поэтому я сослалась на приютские правила поведения. Нам не полагалось общаться с посторонними, тем более с мальчиками. Честно говоря, охранители не обращали внимания на такие мелкие нарушения. Но ведь Большой Туган этого не знал. Я уверенно сказала:

– Мне нельзя, это не по правилам. Я не могу с тобой по улице идти.

Ему это показалось неубедительным, он мне не поверил:

– Как это? Не бывает таких правил, чтобы одноклассники по улице вместе не ходили!

Наивный! Привык в своей благополучной жизни, что люди могут делать всё, что захотят. Я терпеливо объяснила:

– У нас в правилах вот что сказано: «Воспитанницы имеют право ходить по улице только с другими воспитанницами или с наставницами».

– А ты что, наизусть все правила помнишь?

– Конечно! Мы же их с первого дня заучиваем. И каждый вечер повторяем перед сном.

– Ну, ты это... скажешь в случае чего, что в школьных правилах разрешается с одноклассниками ходить!

– Не выйдет. Я в приюте живу, значит, приютские правила главнее.

Большой Туган задумался – впервые в жизни, может быть. И проговорился:

– А как же мне тогда посмотреть на воспитанниц?

Я с трудом сдержала улыбку, изобразила удивление и спросила:

– Зачем тебе на них смотреть? Там все, как я, – в таких же робах. Одинаковые.

Он замялся. Потом понял, что всё равно уже выдал себя, и решил сказать правду.

– Мне какая-то девчонка записку написала.

– Что за записка?

– Ну, что я прекрасный незнакомец и всё такое. Заметила меня перед школой. Я ей понравился.

– А с чего ты взял, что она из приюта? У нас же там никто не умеет писать. Кроме меня. Большой Туган так посмотрел на меня, будто впервые увидел, и спросил:

– Но ведь это не ты писала?

– Нет, конечно! – Я засмеялась. – Какой же ты незнакомец, мы с тобой уже восьмой год в одном классе учимся.

– А кто же тогда?

– Откуда мне знать! Может, та девочка попросила кого-то. В приюте – некого. Значит, на фабрике. Другие работницы учились в школе, они могли ей помочь письмо написать.

Мы помолчали. Потом Большой Туган снова спросил:

– Так как же мне на ваших девчонок посмотреть?

Я нахмурилась: пусть думает, что задача неразрешимая, шансов нет! А сама исподтишка наблюдала, как на широком плоском лице Большого Тугана появилось какое-то новое выражение, похожее на грусть. Мне даже жалко его стало. Поэтому я сказала:

– У нас дневная прогулка с семнадцати часов. Если дождя нет. Забор наш видел? Помнишь?

– Не-а, не помню, – смущённо ответил Большой Туган.

– Там снизу кирпичная стена, примерно метр высотой. А над ней решётка металлическая, ещё примерно метр. Через решётку двор видно. Если медленно идти, то можно всех воспитанниц рассмотреть.

Пока Большой Туган пытался представить, как это выглядит, я добавила:

– Только один не ходи!

– Это ещё почему?

– Дурак, что ли? Подозрительно будет! Идёт парень, на воспитанниц глазеет. Наставницы могут тревогу поднять, охранителей вызвать.

– А как же тогда?

– Приятелей позови. Если целая компания идёт по улице, наставницы ничего плохого не подумают.

– А что я им скажу?

Мне хотелось позлорадствовать: «Правду скажи! Что у тебя поклонница появилась, в женском приюте, и тебе не терпится её увидеть!». Но Большой Туган смотрел на меня с такой надеждой и при этом выглядел так по-детски, что мне опять стало его жалко. И я предложила:

– Позови парней на поле телесного здоровья. У тебя дома есть мяч?

– Конечно!

– Вот и предложи им в мяч поиграть. Пусть в семнадцать часов у школы соберутся, ты приходи с мячом, и все вместе идите на поле. Как раз пройдёте мимо приюта, когда мы на прогулке будем.

Большой Туган улыбнулся, и я вдруг увидела, что не такой уж он и противный – парень как парень, просто некрасивый и туповатый. Но он же не виноват, что он такой.

Вот теперь я окончательно поняла: ни в приюте, ни в школе меня больше никто не тронет. План сработал, и я смогу спокойно учиться те несколько месяцев, которые мне оставались до окончания школы.

Глава 6. Дружба с Сарматом

С тех пор как Большой Туган сказал своим друзьям, что я нормальная девчонка, они тоже начали со мной общаться. Но не так, как с другими нашими одноклассницами. Те выглядели иначе, были настоящими девочками. Ходили в платьях, хоть и очень простых, с разными причёсками, в хорошей обуви. Гуляли по двое, по трое, держались за руки, тихо переговаривались. На одноклассников смотрели презрительно. По-моему, считали их дураками. Не из-за учёбы, конечно, а из-за поведения. На переменах мальчишки носились по коридору, хоть это и не разрешалось школьными правилами, толкали друг друга, разговаривали громко и грубо.

Иногда я оказывалась рядом с девочками и слышала их перешёптывания:

– Когда же они повзрослеют? Ведут себя как дети.

– Пойдут работать, там и повзрослеют.

– Или нет.

Остальные разговоры были об уроках, о платьях, о домашних делах. Девочки обсуждали свои проблемы: кто-то поругался с мамой из-за нового пальто, кого-то родители не взяли с собой в гости, кому-то не разрешили пойти к подруге на день рождения. Иногда мне казалось, что я им завидую. Ведь если бы мои родители не умерли, я сейчас была бы такой же, как эти девочки. Приходила бы после школы в нашу уютную квартиру, переодевалась из школьного платья в домашнее. Обедала бы не по расписанию, а когда захочу. Никаких швейных мастерских, никакой ежедневной работы на фабрике.

Но что толку об этом думать? Я не такая, у меня с ними нет ничего общего.

Обычно я стояла у окна на переменах и читала какой-нибудь учебник. Стараясь не прислушиваться, я радовалась: это даже хорошо, что девочки меня не замечают! Ведь если бы они считали меня «своей», мне пришлось бы ходить с кем-нибудь за руку по коридору и тратить время на эти скучные обсуждения.

В младших классах мне этого хотелось. Я мечтала, что одноклассницы примут меня в свою компанию и я буду с ними дружить. По сравнению с девочками из приюта школьницы казались мне очень красивыми, почти принцессами. Ведь у них были платья. Но я тогда ещё не понимала, насколько сильно эти платья влияют на их отношение ко мне. Мой приютский комбинезон делал меня другой, особой. Для одноклассниц я не была «девочкой». Но и мальчиком не была. В самом начале учёбы наша дарительница знаний представила меня всему классу:

– Это Эйна. Её родители недавно умерли, поэтому она живёт в приюте.

– А почему она так одета? – спросил кто-то из девочек.

– Потому что в приюте такая форма.

На этом всё и закончилось, я их больше не интересовала. Первое время я думала, что надо немного подождать, а потом я со всеми перезнакомлюсь и даже подружусь. Иногда я подходила к девочкам, спрашивала, как их зовут. Они вежливо отвечали, но разговор не поддерживали, и я тоже замолкала. Вскоре я уже знала всех по именам – и знала, что ни одна из девочек не хочет со мной дружить. Кажется, я даже испытала облегчение, когда поняла это. Ведь чтобы завоевать их внимание, мне пришлось бы прилагать слишком много усилий. Вместо того, чтобы повторять уроки на переменах.

И в следующие годы я научилась сама избегать общения. А оно было возможно, ведь девочки в нашем классе не были ни плохими, ни злыми. Просто им не приходило в голову, что, несмотря на мой приютский комбинезон, я не хуже их. Я выглядела как существо совсем другого вида, поэтому они и относились ко мне не так, как друг к дружке. Но на уроках часто оказывалось, что я знала больше всех – именно потому, что вместо чинной ходьбы на переменах я читала книги, – и дарители знаний любили говорить:

– Давайте спросим Эйну.

Я рассказывала интересные факты, которых никто не знал, и удивлялась: ведь всё это было написано в учебниках, мелким шрифтом, в примечаниях к основному тексту. Но никто, кроме меня, не читал эти примечания. Ведь этого нам не задавали, я это читала просто из любопытства. А остальные были не любопытны. И когда урок заканчивался, девочки иногда подходили ко мне и начинали задавать вопросы. А я отвечала коротко и неохотно, хотя и вежливо. Делала вид, что уже всё сказала на уроке – мне совсем не хотелось стоять в кружке этих аккуратных принцесс в платьях и наслаждаться их вниманием. Я понимала: если они привыкнут слушать мои рассказы, мне придётся чаще разговаривать с ними, а мне было жалко времени на это.

С мальчишками приходилось сложнее. В младших классах они вообще не обращали на меня внимания. Я была маленькой, худой, незаметной. Не подходила ни на какую роль: ни товарища по играм, ни жертвы для издевательств. Но в средних классах я подросла, уже не выглядела совсем беспомощной, к тому же дарители знаний постоянно упоминали меня на уроках – ставили в пример. Мальчишек это злило, и они начали меня дразнить из-за моей одежды, из-за некрасивой походки – и никто даже не догадывался, что в таких ботинках, которые выдавали в нашем приюте, очень сложно ходить по-другому.

Но когда меня разглядел Большой Туган, стало совсем плохо. Он выжидал момент, когда рядом окажутся его друзья, и начинал приставать ко мне: толкал, отбирал сумку, бил. Не сильно, но всё равно было очень обидно. Больше всего мне не нравилось даже не то, что у меня на плечах потом оставались синяки – это я могла вытерпеть, – а то, что я теряла драгоценное время. Большой Туган не давал мне спокойно читать перед началом уроков и на переменах. Потому я и захотела ему отомстить. Когда я придумала эти фальшивые письма, я даже не ожидала, что всё так изменится. Я думала, что смогу отвлечь новыми переживаниями только Валиту. Но Большой Туган тоже заинтересовался выдуманной поклонницей и сразу изменил отношение ко мне.

А когда это увидели его друзья, они просто стали воспринимать меня как ещё одного товарища. Не девочку, нет. Для этого я слишком по-мальчишески выглядела. Они просто приняли меня в свою компанию. Весело здоровались со мной, после уроков мы все вместе выходили из школы и часть пути шли рядом, пока я не сворачивала на свою улицу. Иногда они даже поддразнивали меня, но как-то совсем не обидно. Например, предлагали постричься очень коротко, чтобы «стать настоящим пацаном» и ходить с ними на уроки телесного здоровья. Они там часто играли в мяч, а девочки, которые занимались отдельно, делали только скучные упражнения для улучшения фигуры.

На переменах мальчишки часто просили мои тетради, чтобы списать домашнее задание, а я легко соглашалась. Меня не волновало, что они не хотели сами заниматься и готовиться к выпускным экзаменам. Это их дело, не моё.

В компании Большого Тугана было ещё четверо парней. Двое – совсем тихие, невзрачные, с похожими именами, я их даже путала: Питан и Патан. Рядом с Большим Туганом они держались робко, как будто побаивались его, и со мной разговаривали редко. Другие двое, Альвин и Сармат были лучшими друзьями Большого Тугана. Раньше они с интересом наблюдали, как он меня колотит, а теперь с таким же интересом разговаривали со мной, потому что я стала «одной из них».

Альвина я немного стеснялась. Его отец тоже был начальником, как и отец Большого Тугана, и Альвин слишком часто это упоминал. Например, если приходил в школу в новом красивом свитере, и кто-то из ребят спрашивал, откуда обновка, Альвин с гордостью говорил, что у отца на работе была выдача вещевых премий всем руководителям. Но смотреть на Альвина мне очень нравилось, хоть я и старалась делать это незаметно. Внешне он сильно отличался от своих друзей: его лицо было не грубым, не широким, как у многих других, а каким-то тонким, что ли. Я иногда думала: вот если бы он отрастил длинные волосы, его принимали

бы за красивую девушку. Но сказать это вслух я бы никогда не решилась: он бы смертельно обиделся на такое.

Сармат казался мне более простым, понятным. Разговаривать с ним было легко и интересно. Иногда мы уходили из школы вдвоём, потому что другие ребята оставались после уроков переписывать контрольные, а Сармат, как и я, учился хорошо, писал все работы с первого раза. Конечно, я ему сказала – как и Большому Тугану, – что меня могут наказать, если увидят на улице с посторонним. Он кивнул:

– Понял. Сделаю вид, что мы не вместе, если кто-то появится.

Но в рабочие дни в городе было безлюдно, и мы никого не встречали, пока шли до последнего перекрёстка перед приютом. По дороге Сармат рассказывал, что мечтает стать мастером, как его отец. Сразу после экзамена на зрелость, если хорошо сдашь все предметы, можно поступить на курсы мастеров. Сармат спрашивал, пойду ли я тоже на эти курсы.

– Тебя точно возьмут, ты же самая умная в классе!

Я пожимала плечами:

– Не знаю. Наверное, пойду.

– Почему не знаешь? Разве ты не хочешь стать мастером?

Сказать ему правду я боялась: слишком несбыточными казались мои мечты. Поэтому я просто переводила разговор на другую тему. Но Сармат, кажется, догадывался, что я не собираюсь идти на фабрику простой работницей. Однако ему хватало ума не приставать ко мне с расспросами, когда я не хотела говорить.

Я много рассказывала о правилах жизни в приюте, а Сармат с интересом слушал. Больше всего его удивляло, что мне одной-единственной из всех воспитанниц удалось попасть в школу. В приюте некоторые новенькие девочки задавали мне такие вопросы, и я привыкла отвечать коротко: научилась читать и писать, поэтому мне разрешили сдать вступительные испытания. Вот и всё. Им этого хватало.

Но когда я начала говорить об этом с Сарматом, его реакция меня удивила. Он подробно расспрашивал, кто учил меня читать, как это было, как мне удалось попасть на испытания без родителей. И пока я ему рассказывала свою историю, я и сама словно взглянула на себя со стороны: восемь лет назад, когда я была неразумным и беспомощным ребёнком, я совершила настоящий подвиг, которого никто от меня не ждал. Даже тётушка Марта, без которой ничего бы не получилось, – даже она не верила, что я добьюсь своего. Она просто делала то, о чём я просила, но не думала, что результаты будут такими.

Глава 7. В школу вопреки правилам

До шести лет я жила с родителями. У нас дома были книги, и каждый вечер мама читала мне вслух. Она всегда говорила: надо обязательно учиться, без этого хорошую работу не получишь. Родители работали на механическом заводе, но устроились туда не сразу после школы, сначала они учились на курсах мастеров-механиков. Там и познакомились – это я запомнила. Отец Большого Тугана – начальник цеха на том же заводе – наверняка их знал. Но я никогда не говорила об этом с Большим Туганом. Я вообще не говорила о родителях ни с кем, кроме тётушки Марты, ведь среди моих знакомых только она их знала.

В ту зиму, когда я потеряла родителей, в городе была обычная эпидемия гриппа – такие случаются каждые несколько лет. Я заболела, лежала дома с высокой температурой, и маме разрешили пропустить несколько рабочих дней. Она поила меня тёплым витаминным напитком, сидела у моей кровати. Однажды вечером, когда папа уже вернулся с завода, в дверь постучали. Я услышала громкие голоса в коридоре, через минуту в комнату ворвался охранитель в чёрной форме. У него на плечах, как кровавые раны, сияли ярко-алые погоны. Мама наклонилась ко мне, поцеловала, шепнула: «Ничего не бойся». Охранитель схватил её за руку и вывел в коридор. На пороге комнаты она оглянулась. У неё было совсем белое лицо, как будто даже чужое. Я никогда не видела маму такой.

Я накрылась одеялом с головой и заплакала. Вцепилась зубами в подушку, потому что мне казалось, что зубы стучат на всю квартиру. Голоса стихли, никто не входил, а я боялась выглянуть. Кажется, я заснула. Меня разбудил стук каблуков. В комнате всё ещё горел свет, но за окном было уже светло. Передо мной стояла женщина в белом халате, за ней – двое мужчин с носилками. Меня, прямо с одеялом, положили на носилки и куда-то потащили. Я пыталась вскочить, но женщина крепко держала меня за руку и шипела: «Ш-ш-ш, тише». Меня привезли в больницу, долго лечили. Когда мне стало лучше, врач сказал, что мои родители тоже заразились гриппом, но спасти их не удалось.

Из больницы меня отправили в приют. Я долго не могла поверить, что родителей больше нет. Потом смирилась. Но мне было уже семь, до школы оставался год, и я спросила наставницу, когда же нас будут готовить к учёбе. Она рассердилась и велела мне забыть об этом: приютские дети в школу не ходят – это не положено. Государство даёт нам кров и пищу, чтобы мы усердно ему служили: выполняли свои обязанности, готовились стать важными участниками трудового процесса. Здесь нас научат всему, что нам пригодится в будущей жизни. А школа нам не нужна, она ведь не готовит к работе на заводах и фабриках.

Я поплакала, но расспросы не прекратила, пыталась узнать у старших воспитанниц, учится ли кто-нибудь из девочек в школе. Они не могли сказать точно. Знали только, что сейчас в их группе таких нет. Но было ли это в другие годы, они не знали.

И только когда в приюте начала работать тётушка Марта, наша бывшая соседка, она мне объяснила, почему воспитанницы не могут попасть в школу. Туда принимают только тех, кто прошёл испытание: надо прочитать несколько строчек, написать своё имя и возраст, нарисовать картинку. Детей, которые живут дома, с родителями, заранее готовят к этому: учат читать хотя бы немножко, писать несколько слов и рисовать самые простые картинки. Поэтому они легко проходят предшкольное испытание. А в приюте никто не занимается с детьми, поэтому они не умеют всего этого делать.

Но тётушка Марта слышала от знакомых, что бывает и по-другому. Если девочка уже ходила в школу до того, как родители умерли, то и в приюте она продолжает учиться. А значит, это не запрещено, наставница меня обманула.

Сначала я никому ничего не говорила, но целыми днями обдумывала разные способы перехитрить правила. Мне очень хотелось попасть в школу. Моя мама так надеялась, что я

буду учиться! Однажды я решила попросить тётушку Марту мне помочь. Она не верила, что я справлюсь, но согласилась. По вечерам, когда все засыпали, я шла к ней в каморку у входной двери, и она учила меня читать и рисовать. Если в вестибюль выходила дежурная наставница, Марта прятала меня под кушеткой, и я немало времени провела, лёжа на пыльном полу с книжкой и тетрадкой.

И вот подошёл день предшкольного испытания. Марта договорилась с моей наставницей, что заберёт меня на весь день. Она так уже делала несколько раз, водила меня к себе домой, даже показывала мне дверь моей бывшей квартиры.

А в этот раз мы сначала пошли в школу. Мне было очень страшно. Все дети пришли с родителями, а некоторые и с другими родственниками, целыми большими семьями. И одеты все были красиво, в обычную домашнюю одежду, у всех разную. А на мне был серый приютский комбинезон. Тётушка Марта подошла к испытательной комиссии, долго с ними о чём-то спорила. Потом я узнала, что меня не хотели допускать к испытанию, раз я из приюта. Марта их еле уговорила: сказала, что мои родители, пока были живы, успели подготовить меня к школе, сами меня всему научили, а я девочка способная, всё запомнила. И никто не виноват, что они не дожили до испытания. Зачем лишать меня шанса поступить в школу? Ведь если я не пройду испытание, меня просто не примут, и всё. Всего пять минут, от которых зависит моя судьба.

Комиссия в конце концов согласилась, меня включили в список, и после двух часов ожидания подошла моя очередь. Суровые дарители знаний не сделали мне поблажку из-за того, что я сирота. Читать пришлось не просто несколько строчек, как остальным, а целую страницу. Спасибо тётушке Марте, я справилась легко. И все слова написала без ошибок: «меня зовут эйна мне восемь лет». И напоследок нарисовала солнце над фабричными трубами и крышами заводов, облака на небе и человечков внизу.

В школу меня приняли. Только зря я думала, что самое сложное уже позади! В первый же день выяснилось, что мне потребуется особое расписание, и добиваться этого я должна сама. Уроки в школе начинались в восемь и заканчивались в двенадцать. А наша младшая группа в это время сперва два часа работала в швейной мастерской, а потом гуляла во дворе. И наставница не могла отпускать меня в школу без специального документа. Тётушка Марта кое-как уговорила её всего один раз дать мне уйти, чтобы я могла встретиться с директором школы. Мы пошли к нему вместе.

Его звали Даритель Кириан. Если бы не он, я бы вообще не смогла учиться. Когда мы зашли в его кабинет, он поднял голову и ободряюще улыбнулся:

– Так ты Эйна, да? Пришла за разрешением для приюта?

Оказалось, что я не первая такая. Если в школе были ученики из приюта, то директор писал официальное письмо в приют на бланке Комитета защиты детства, и главная наставница была обязана составить для ученицы особое расписание. В тот же день курьер отнёс такое письмо Наставнице Фламии – она уже тогда была главной у нас в приюте. После этого мне отменили утренние два часа в швейной мастерской и утреннюю прогулку с группой, а всё остальное не изменилось. А значит, мне нужно было делать уроки в короткие промежутки свободного времени: несколько минут перед обедом и сразу после него, несколько минут перед полдником, несколько минут перед сном.

Я быстро научилась тратить эти драгоценные минуты с пользой. Бегло просматривала страницу учебника и запоминала главные слова, а потом, занимаясь другими делами вместе с остальными воспитанницами, мысленно повторяла прочитанное. Сначала получалось не очень хорошо, но потом я так натренировалась, что стала запоминать текст учебников целыми страницами.

А письменные задания иногда удавалось сделать прямо в школе, на переменах или после контрольных, если я сдавала работу раньше всех и оставалась в классе ждать звонка. Но если

не успевала, я всегда могла пойти после отбоя к тётушке Марте в каморку и позаниматься там. Правда, после этого я шла в школу не выпавшаяся, и учиться было сложнее.

Первые два года после поступления оказались самыми тяжёлыми. После обеда начинался фабричный курс – нас готовили к будущей работе. Рассказывали, как устроено производство, что мы будем делать после перехода в среднюю группу. Сразу после этого я читала учебники, потом полдник, потом дневная прогулка. И когда мы наконец оказывались в швейной мастерской – замёрзшие, с озябшими руками, – я должна была выполнить двойную норму. Хоть мне и отменили утренние часы шитья, Наставница Фламия велела не давать мне поблажек. Поэтому от меня требовали таких же результатов, как от других девочек. Я очень старалась. Помню вечно исколотые пальцы, мозоли на руках от тяжёлых портновских ножниц. А самое неприятное – мне всё время хотелось спать. Иногда я засыпала прямо в швейной мастерской, поставив локти на стол и подперев лоб ладонями. Тогда моя соседка чуть сдвигала стул, чтобы заслонить меня от наставницы, а потом толкала в бок, когда та начинала ходить по рядам и проверять, как идёт работа.

Следующие три года я была в средней группе; мы уже начали работать на фабрике, и стало чуть полегче. По просьбе директора школы мне снова отменили утреннюю прогулку и утреннее шитьё, но теперь я не так сильно уставала. С этого года мы уже ходили работать на фабрику, поэтому наши нормы шитья уменьшились. Комитет защиты детства тщательно следил за соблюдением возрастных ограничений: детям с десяти до тринадцати лет разрешалось работать не больше шести часов в день. После четырёх часов на фабрике у нас оставалось ещё два часа для шитья. Как и в прошлом году, я должна была сделать норму всего за час – но раньше мне нужно было уложить в этот час то, что другие девочки сшили за три часа, а сейчас – только за два. А это мне удавалось легко, я уже привыкла шить быстро.

И ещё я не могла брать утренние смены, потому что ходила в школу как раз в это время. Но в средней группе нашей наставницей назначили пожилую добродушную Азалию – она сама составляла расписание для всей группы и всегда давала мне дневные смены. Все те три года моё расписание не менялось, мне не приходилось никого ни о чём просить, и я легко продержалась до конца пятого класса.

Зато в последние три года, когда я перешла в старшую группу, мне стало и легче, и труднее одновременно. Я выросла, стала злой и хитрой – теперь я была готова добиваться своего любой ценой. А вот с наставницей не повезло. Раньше я редко сталкивалась с Фламией, начальницей нашего приюта. От неё зависели только поправки в моём расписании, да и то она не могла мне ничем навредить, потому что из школы всегда приходили официальные письма. А теперь я попала в её группу.

Это случилось весной. День рождения у меня в январе, а перевод в новую группу у нас бывает два раза в год, весной и осенью. Все, кому исполнилось тринадцать лет с начала октября до конца марта, с первого апреля попадают в старшую группу. В первый же учебный день после моего перевода Наставница Фламия заявила:

– Письмо из школы касалось расписания средней группы. А ты теперь в старшей. У нас тут другое расписание. Насчёт него мне никто не писал. Не рассчитывай, что у тебя здесь будет особое положение. Иди в мастерскую.

После шитья и прогулки, на которую она заставила меня пойти вместе с группой, уроки уже закончились, но я всё равно побежала в школу. Наш директор, Даритель Кириан, ещё не ушёл. Я ему всё рассказала: теперь я в новой группе – там другое расписание – и наставница не отпускает меня в школу. Может быть, мне вообще придётся бросить учёбу.

Даритель Кириан знал, что у меня самые высокие оценки в классе, и возмутился, что мне в голову лезут такие глупости. Сразу написал новое письмо в приют и прочитал вслух. Оказалось, что я «гордость школы» и что учёба для таких способных детей, как я, важнее

трудовой подготовки, которую мне дают в приюте. Курьер в форме сразу же понёс письмо адресату, а я пошла в Зал дарителей знаний, чтобы узнать задание на завтра.

Жаль, что я сама эту сцену не видела, мне девчонки потом рассказывали: курьер вызвал Наставницу Фламию в вестибюль, а они сверху, с лестничной площадки, подсматривали. Вручил ей письмо, заставил расписаться в квитанции, ушёл – весь такой нарядный, красивый! А Наставница Фламия осталась стоять посреди вестибюля с конвертом – держала его в вытянутой руке, как будто внутри бомба. А там всего лишь стояла печать Комитета защиты детства – вот что так напугало Наставницу Фламию. У нас и приюты, и школы подчинялись одному и тому же комитету. Хоть она и получала такие письма раньше, их всегда приносили в начале учебного года, в сентябре. Наставница Фламия не ожидала, что я смогу так быстро договориться с директором. Наверное, подумала, что её решили заменить другой наставницей.

Вот тогда-то она меня окончательно возненавидела. В школу, конечно, отпускала – с этим она ничего не могла поделать. И после письма от Дарителя Кириана объявила при всех, что на время учёбы в школе освобождает меня от утренней прогулки, а в швейной мастерской я буду работать в другие часы, не вместе со всеми. Но постоянно твердила, что из-за меня у неё группа не идеальная! А всё из-за того, что Наставница Фламия упорно назначала мне утренние смены на фабрике и мне каждый раз приходилось меняться с девчонками, переносить свою смену на день или на вечер. И каждую такую замену Наставница Фламия должна была одобрить лично. Я её не понимала: она же знала, что я не смогу пойти на фабрику утром и всё равно буду с кем-то меняться. Зачем же она снова и снова давала мне эти смены, а потом кричала на меня? Только чтобы выплеснуть свою злость?

Тётушка Марта, когда я ей жаловалась, говорила, что так и есть: некоторым людям надо постоянно на кого-то кричать, они без этого не могут. Что ж, придётся потерпеть. Не так уж долго мне осталось тут жить.

Глава 8. Лучше быть одной

Когда Сармат спросил, почему я раньше не дружила с девочками из приюта, я только пожалала плечами:

– Не знаю. Наверное, некогда было. Учёба, работа... Тебе не понять.

А вечером, когда я лежала в спальне и смотрела на потолок, желтовато-серый в свете фонаря за окном, я вспомнила, как началась моя здешняя жизнь.

После того зимнего гриппа, когда мне объявили о смерти родителей, меня почему-то долго держали в больнице, хотя я уже выздоровела. Я спрашивала доктора, когда меня отпустят домой, – я ещё не понимала, что дома у меня больше нет, – но он не отвечал. Молча подносил градусник к моему лбу, равнодушно смотрел на зелёные цифры, потом что-то быстро писал в блокноте и переходил к другим пациентам. Я провожала взглядом его спину в белом костюме и думала: почему он не говорит со мной?

Детей в палате больше не было, на соседних кроватях лежали взрослые женщины, но и они целыми днями молчали – может, им не хватало сил на разговоры. Я всё время думала о маме с папой: как они могли умереть от гриппа, если были ещё здоровы в тот последний вечер, когда меня увезли в больницу? Может, доктор ошибся? Я всё время ждала родителей. Не могла не ждать.

А потом пришла приземистая тётка с сердитым лицом, в чёрном пальто и некрасивой мягкой шляпе, из-под которой выбивались серые, как будто пыльные, кудряшки. Она положила на мою кровать большую сумку и сказала:

– Одевайся.

Я приподняла голову над подушкой, хотела встать, но тело меня не слушалось: я слишком давно не вставала. Я неловко села на краешке кровати, свесила ноги – они не доставали до пола, – и трясущимися руками открыла сумку. Там лежало бельё неприятного телесного цвета, синий вязаный свитер, грубый серый комбинезон, чёрные носки, а на дне сумки – чёрные ботинки, завёрнутые в газету.

Я вопросительно посмотрела на тётку, а она прикрикнула:

– Поживее!

Я натянула трусы, не снимая просторную больничную рубаху, но потом всё же пришлось раздеться перед всеми. Свитер оказался кусачим, шея сразу зачесалась. Комбинезон висел на мне мешком, ботинки сваливались. Тётка, увидев это, велела снять их, скомкала газету, в которую они были завёрнуты, и засунула в ботинки. Стало лучше. Тётка забрала сумку, взяла меня за руку и потащила по длинным больничным коридорам. В тишине раздавались только тяжёлые шаги моей провожатой и не в такт хлопали мои ботинки. Я не знала, куда она меня ведёт, но боялась спросить. Некоторые двери были открыты; я видела длинные ряды кроватей, больные лежали не шевелясь, и я не понимала, живые они или нет.

Мы спустились по лестнице, никого не встретив, и вышли на улицу. Я вдохнула холодный воздух. В больнице не проветривали; там стоял тяжёлый запах лекарств, и я отвыкла дышать полной грудью. Светило солнце, и я поняла, что сейчас полдень. Мама меня учила, что такое чистое небо бывает только в полдень, когда уже рассеялись утренние облака, а дневная смена ещё не закончилась и не было второго сброса дыма. После него небо очищалось только к вечеру, перед заходом солнца.

Тётка решительно двигалась по улице. Я заметила впереди знакомое здание и на мгновение поверила, что меня ведут домой. Но мы прошли мимо; теперь я не узнавала однообразные здания, которые стояли серой стеной вдоль дороги, и, как я ни старалась сдержаться, по щекам потекли слёзы.

Вскоре мы остановились перед калиткой – она выглядела как дверь, вставленная в забор. В обе стороны от неё уходила каменная кладка высотой примерно с меня. Над краем забора поднимались частые железные прутья, но мне не хватало роста, чтобы заглянуть за них. Тётка позвонила, и я услышала стук каблуков – кто-то бежал к нам по двору. Калитка открылась, я увидела молодую женщину в синем форменном платье с белым воротником. Тётка подтолкнула меня к ней и ушла, не попрощавшись. Женщина взяла меня за руку – не грубо, как та тётка, а почти ласково – и сказала:

– Не бойся, здесь много девочек, сейчас я тебя к ним отведу.

Я подняла голову. Перед нами стояло серое четырёхэтажное здание, в чёрных потёках от зимних дождей, с плоской крышей. Несколько широких ступеней вели к двустворчатой входной двери с небольшими окошками с обеих сторон.

Так я оказалась в детском приюте.

В тот же день в приют привели ещё одну девочку, Трину. Она была чуть старше меня, но тоже всё время плакала. Наши кровати стояли рядом, и когда мне не спалось – а это было почти каждую ночь, – я видела в свете фонаря за окном, как на щеке у Трины блестят слёзы. Одна за одной они неслышно сползали и впитывались в грубое серое одеяло.

Через несколько недель мы немного освоились, начали присматриваться к детям. Одна из девочек в нашей группе отличалась от других: всегда улыбалась, разговаривала громче всех, придумывала игры, и все радостно присоединялись, что бы она ни предложила. Её звали Юста. Я замечала, что Трина, как и я, часто наблюдает за Юстой. Нам обоим хотелось, чтобы нас позвали играть, но такое случалось редко – только если для игры нужно было много девочек. Тогда мы могли вместе со всеми бегать по двору, кричать, смеяться.

Юста обращалась с нами так же, как с остальными, – весело и даже, как мне казалось, доброжелательно.

Мы тогда уже начали работать в швейной мастерской, но нам пока не поручали ничего сложного: мы просто изучали типы тканей, учились вырезать разные фигурки и сшивать их вручную. Трина, как и в спальне, была моей соседкой, поэтому я видела всё, что она делает. Иногда она сворачивала обрезки тряпок и прятала в карман. Однажды я выждала, пока наставница отвернётся, и шёпотом спросила:

– Что это у тебя?

Трина покраснела и ничего не сказала. Я больше не спрашивала, но иногда размышляла, зачем ей это. По ночам я теперь спала лучше – слишком уставала за день и даже не успевала поплакать перед сном. Но однажды я проснулась среди ночи от какого-то хруста. За окном висела огромная жёлтая луна, свет падал прямо на Трину. Она сидела на кровати, на одеяле перед ней лежало что-то тёмное, а Трина тянула нитки, и они разрывались с тихими шелчками. Этот звук меня и разбудил.

Я немного понаблюдала молча, а потом села на кровати. Трина испуганно повернулась ко мне.

– Что ты делаешь? – прошептала я.

– Не скажу.

– Почему?

– Это секрет.

Я молчала. Трина разорвала последнюю нитку и стала вертеть в руках этот непонятный комок. Потом не выдержала и протянула его мне:

– Посмотри. Это кукла.

Комок и правда напоминал куклу. Из обрезков ткани, из маленьких лоскутков Трина скрутила человечка в юбке. Все кусочки были тщательно перевязаны нитками – их-то Трина и обрывала, когда я проснулась.

– Это ты сама придумала? – спросила я. Дома у меня остались настоящие куклы, но здесь, в приюте, в игровой комнате нам давали только кубики и мячики. Я замолчала, чтобы не расплакаться.

Трина забрала у меня куклу и сказала:

– Это подарок.

– Для кого?

– Для Юсты.

Мне стало обидно, что это не я додумалась до такого. Мне ведь тоже нравилась Юста! Вот бы я была такой же умелой, как Трина! Тогда бы я тоже могла что-нибудь подарить Юсте. Мы ещё немного пошептались и заснули.

Следующим утром шёл дождь – прогулку отменили, а днём нас вывели во двор, где ещё не просохли лужи. Девочки ходили туда-сюда небольшими группами, бродили вдоль забора, присаживались на скамейки. Юста стояла хмурая, не предлагала никаких игр, поэтому и остальные не веселились.

Трина взглянула на меня, как будто искала поддержки. Я догадалась, что она собирается сделать, и кивнула, чтобы подбодрить. Трина медленно пошла вперёд, достала из кармана куклу и протянула Юсте:

– Вот. Это тебе.

– Что это? – Юста взяла подарок осторожно, двумя пальцами.

– Кукла. Я сама сделала. Для тебя.

– Для меня? – Юста всё ещё держала куклу на вытянутой руке, как будто боялась запачкаться.

Потом она подбросила куклу и ловко поддела её носком ботинка, когда кукла уже почти упала на асфальт.

– Эй, девчонки! У нас новый мяч! – закричала Юста. И с разных концов двора к ней побежали её подруги. Юста хохотала, поддевая куклу ногой и пиная её так, чтобы попасть в лужу. Вскоре уже вся группа, кроме нас с Триной, вступила в игру. Бедная кукла летала по двору, тонкие нитки, так старательно завязанные Триной, разорвались, и лоскутки сыпались на асфальт и оставались лежать под ногами у разгорячённых девочек.

Трина так и осталась стоять на том месте, где отдала Юсте подарок. У неё было такое белое лицо, что я вспомнила маму – она выглядела так же, когда прощалась со мной. Трина шевелила губами, как будто пыталась что-то сказать, но я ничего не слышала. Потом она повернулась ко мне, я увидела слёзы у неё в глазах и почему-то шагнула назад. Я не хотела стоять рядом с ней. Спиной я почувствовала, что упёрлась в забор; острый край какого-то камня больно впивался между лопатками, а я всё сильнее прижималась к нему; мне было всё больнее, и скоро у меня тоже потекли слёзы.

Кукла уже совсем рассыпалась, от неё осталась только мягкая кучка тряпок. Юста продолжала хохотать, и я впервые заметила, какая она некрасивая: длинный тонкий нос, мелкие острые зубы. А смех казался визгливым и таким громким, что я зажала уши руками.

Мяча больше не было, а Юсте хотелось продолжать игру. Она подцепила ногой остатки тряпок и подтащила этот бесформенный комок к Трине.

– Забирай свою куклу!

Юста посмотрела Трине в глаза, усмехнулась и плюнула на бывшую куклу.

– Ну же? Забирай, я сказала! Что стоишь!

Трина, не вытирая слёз, вдруг рванулась вперёд и начала колотить Юсту кулаками. Юста сначала попятилась, но быстро сообразила, что происходит: эта дура-новенькая осмелилась на

неё напасть! Юста изо всех сил толкнула Трину, та упала, подбежали другие девчонки, начали пинать Трину ногами.

В это время во двор выбежала наставница – она должна была присматривать за нами, пока мы гуляли, но её вызывали к начальнице, и она ненадолго оставила нас одних. Я не помню, что она кричала, какими словами ругала Юсту и её приспешниц, что говорила Трине.

Я по-прежнему стояла у забора и молча плакала. Наставница помогла Трине встать, взяла её за руку, посадила на скамейку рядом с собой, и они долго разговаривали. Когда закончилось время прогулки, все чинно пошли в здание, как будто ничего не случилось.

Мы с Триной никогда не говорили о кукле и об этом случае. Мы с ней вообще больше не говорили. А по ночам, если я не могла заснуть, я нарочно переворачивалась на другой бок, чтобы не видеть слёзы на щеке Трины.

Через полгода Юсту перевели из нулевой в младшую группу, а потом её и вовсе забрали какие-то родственники. Трина оставалась в приюте ещё два года, а потом заболела, попала в больницу и больше не вернулась.

Глава 9. Последние письма

Мой план с фальшивыми письмами по-прежнему работал – примерно раз в две недели я сочиняла новые тексты. Валите я писала, что её поклонник недавно опять проходил мимо приюта и видел издали, как она играла с девочками, бегала по всей площадке и ловко отбивала мяч. Получалось очень правдоподобно, я специально описывала именно те прогулки, на которых Валита делала что-то особенное, – в мяч мы играли редко, и она понимала, что таинственный незнакомец действительно мог видеть нашу игру. Подбрасывать записки в нишу на заборе удавалось легко: когда я шла из школы, на улице не было никого из воспитанниц – в это время они или работали на фабрике, или шили в мастерской. Меня даже иногда просили проверить, нет ли в нише новой записки. Тогда я могла не прятать её под камень, а сразу нести Валите.

Единственное, что меня настораживало, – пассивность Валиты. Получив первое письмо ещё в начале февраля, она ведь могла попросить меня написать ответ этому загадочному поклоннику и оставить в той же нише на заборе. Тогда в следующий раз тот мальчик мог бы заметить записку, когда будет опускать туда своё письмо. Но Валите это даже в голову не приходило, а я и не думала ей подсказывать такой вариант, ведь это усложнило бы мою задачу. Сочинять поддельные письма, опираясь только на собственную фантазию, было намного проще, чем писать ответы на настоящие записки.

С Большим Туганом приходилось изобретать хитрости. Первые две записки ему подсунули уличные мальчишки, за галету. Но продолжать эту игру я не рискнула. При всей своей медлительности дураком Большой Туган всё же не был. Рано или поздно он бы сообразил, что записки в кармане появляются только после того, как его толкнёт на улице беспризорник. Тогда он мог бы схватить очередного такого мальчишку и колотить, пока тот не признается, кто именно передал ему записку.

Поэтому я придумала другой способ. За одну галету мой помощник проследил за Большим Туганом до самой его квартиры, а на следующий день, ещё за одну галету, отнёс записку прямо туда и засунул в щель между дверью и стеной. Родители весь день будут на работе, Большой Туган вернётся домой раньше, поэтому я знала, что он первым увидит записку.

Тексты я тоже старалась сделать правдоподобными. Наблюдала за Большим Туганом и старалась запомнить, если видела что-то особенное. А потом описывала, как «прекрасный незнакомец» шёл по улице и выронил тетрадку из сумки. Или стоял на крыльце школы с двумя другими мальчишками и громко спорил о чём-то, а потом толкнул одного из них. Или стоял на перекрёстке и жевал кусок хлеба.

Так прошёл весь февраль и начало марта.

Большой Туган со своими приятелями часто ходил на поле телесного здоровья, как раз мимо приюта, – моя идея ему понравилась, это и правда позволяло незаметно рассматривать девчонок во дворе. Я ходила на дневные прогулки, только если работала в вечернюю смену. Но если уж оказывалась во дворе вместе со всеми, всегда наблюдала за Валитой.

Девчонки, конечно, замечали стайку школьников, которые как-то уж очень неспешно двигались вдоль забора. Все думали, что один из них – это и есть поклонник Валиты. Но она сама при виде парней страшно смущалась, краснела и пряталась за спины подруг. К тому же на улице всё это время было холодно, и Валита часто гуляла в платке, поэтому воображаемый поклонник, даже если бы он и существовал, всё равно не понял бы, у которой из девочек причёска «как золотое солнце». Так что шансов на встречу у них не было, и Валита сама начинала это понимать.

А Большой Туган ничего не знал о её прекрасных волосах, потому что у него в записках о внешности поклонницы ничего не говорилось. Как бы он мог догадаться, кто именно пишет ему письма? Разве что, если бы какая-то из девочек подходила к забору и выразительно смот-

рела на него, но так никто не делал. Несколько раз Большой Туган даже спрашивал меня, кто бы мог писать такие письма. Ведь для этого девочка должна была хотя бы иногда проходить мимо нашей школы как раз в то время, когда у нас начинались или заканчивались уроки. Я начала размышлять вслух:

– После уроков точно не получится. Утренняя смена на два часа позже заканчивается. А кто в другие смены работает, те в полдень в приюте, на утренней прогулке, – их сюда не отпустят. Значит, только утром. Если идти из приюта на фабрику к восьми часам, можно мимо школы пройти.

– А вам разрешают такой крюк делать?

– Вообще-то нет. Но никто же не следит. Подумаешь, придёт в раздевалку на несколько минут позже, чем другие девочки. Могут и не заметить.

– А ты можешь узнать, кто позже приходит?

– Нет, не могу. Я же не работаю по утрам.

Большой Туган вздохнул и пошёл домой. Так он ничего и не выяснил.

А через несколько дней он попросил меня задержаться после школы. Сказал, надо поговорить. Мы с ним подождали, пока все уйдут, сели на верхнюю ступеньку, и он начал рассказывать.

К его родителям в выходной день пришли гости: инженер с папиного завода с женой и дочкой. Большой Туган увидел её – и онемел от восторга, как он сам выразился. Сказал, что никогда не встречал таких красивых девчонок. Волосы у неё были не тёмные, как почти у всех в нашем городе, и даже не светлые, как у некоторых, а какого-то необычного огненного цвета. У нас в школе ни у кого таких не было.

Его мама потом сказала, что они рыжие – старинное слово, она его от бабушки слышала. Я-то, конечно, знала это слово, много раз встречала его в книгах, но в одном Большой Туган был прав: у нас в городе почти не было рыжих – это очень редкий цвет.

Девчонка заметила, как он смотрит на её волосы, и усмехнулась. Представилась:

– Меня зовут Астася. А тебя?

– Большой Туган... Ой, то есть Торлан!

– Большой Торлан?

– Да нет, просто Торлан.

Про своё настоящее имя Большой Туган мне уже рассказывал, так что я не удивилась.

И вот, значит, их родители сели за стол обедать, а девчонка пошла с Большим Туганом в его комнату. Астася его расспрашивала про школу – она сама в другой училась, не в нашем районе. Большой Туган сначала смутился, но Астася его разговорила. Улыбалась ему, слушала. Он даже решил, что понравился ей. Конечно, он не собирался признаваться Астасе, что в школе его считают тупым и что учится он совсем плохо. Но потом проговорился: сказал, что ничего хорошего не ждёт от выпускных экзаменов, боится, что не сдаст.

Как ни странно, Астасю это не напугало. Она сказала, что и сама терпеть не может школу. Там скучно, лучше уж на заводе работать. По крайней мере, уроки делать не надо.

Большой Туган очень обрадовался – хоть кто-то его понимает – и спросил:

– А что ты любишь делать?

– Гулять люблю. Особенно когда солнце светит.

– Одна?

– Когда как. Хочешь, завтра вместе погуляем после уроков?

Конечно, он согласился! Тогда она предложила ему подойти к поминальнику после уроков. Сказала, что знает там все переулочки и может провести к водохранилищу. Большой Туган испугался:

– А разве туда можно одним ходить?

– Нет, конечно! – Астая засмеялась. – Но я всё равно хожу.

И вот сейчас, собираясь на первое в жизни свидание, Большой Туган решил сначала поделиться новостью со мной. Меня это тронуло. Мне даже стало стыдно, что я столько времени его обманывала с этими дурацкими записками. А с другой стороны – я ведь только так могла защитить себя от мальчишек. Если бы я не подружилась с Большим Туганом, они бы так и продолжали надо мной издеваться. А у меня было слишком мало свободного времени, чтобы терять его по пустякам.

– Торлан! – Несколько дней назад я стала обращаться к нему по имени. И сейчас мне хотелось ему напомнить, что на самом деле он не такой, каким все считают Большого Тугана. – Удачи тебе! Ты хороший – Астая не пожалеет, что с тобой познакомилась!

Он радостно улыбнулся, помахал мне рукой и побежал к поминальнику.

Глава 10. Как Торлан стал Большим Туганом

Однажды после уроков мы с Большим Туганом остались в классе вдвоём. Ему нужно было переписать контрольную по новейшей истории, а даритель знаний опаздывал. И в этот же день он пообещал мне принести книгу с дополнительными материалами, которых не было в учебнике, поэтому я тоже его ждала. У меня в животе заурчало от голода; я смутилась, а Большой Туган молча достал из кармана толстый ломоть хлеба и протянул мне половину.

– Ешь. Когда ещё в свою столовую попадёшь!

Хорошо ему, у него отец – начальник. У них пайки совсем другие. Считается, что чем выше должность, тем лучше нужно питаться, чтобы справляться со своими обязанностями. И вся семья такого сотрудника тоже получает улучшенный паёк. Это только у нас в приюте пайки минимальные. Пользы от нас пока мало, одни расходы: государство нас кормит, поит, одевает, позволяет жить в тепле и спать на кроватях. А работаем мы пока даже неполную смену.

Поэтому нам выдают строго отмеренные дозы белков, жиров, углеводов. Ровно столько, чтобы мы были здоровы и могли работать. Таких крупных кусков хлеба я не видела с тех пор, как попала в приют. Даже в гостях у тётушки Марты мне доставались только тоненькие ломтики, её паёк тоже был не из лучших – бывшая фабричная работница, даже не мастер, а теперь простая сторожиха.

Мы сидели на подоконнике, жевали хлеб и смотрели на улицу. Сидеть на подоконниках не разрешалось, но директор сказал, что дарителю знаний пришлось срочно уйти, он вернётся только через полчаса. Так что мы увидим, как он подходит к школе, и успеем спрыгнуть. По тротуарам шли редкие прохожие, поднимая воротники курток. Ветер нёс по асфальту обрывки объявлений, сорванных с забора напротив школы. Солнце так и не выглянуло, накрапывал дождик, вода в лужах морщилась, когда на неё падали капли.

Я вздохнула. Большой Туган подумал, что из-за учёбы. Решил, что мне надоели эти бесконечные контрольные, задания, мысли об экзаменах. Ему хотелось меня подбодрить.

– Не грусти, немножко осталось. Ещё три месяца, и всё. Больше никакой школы.

Я не ответила, а ему хотелось поговорить. Со мной разговоры получались совсем не такими, как с парнями из его компании. Он мне доверял. Чувствовал, что можно делиться со мной чем угодно и я ничего никому не расскажу.

– Помню, как мама меня к школе готовила. Ну, знаешь – прочитать три строчки, написать своё имя, нарисовать картинку. Надо было это уметь. А я ужас как не любил такое. Мне семь лет было, когда родители сказали про школу. Я тогда с мамой на завод ходил по утрам, как все. Мы с другими детьми там играли, в комнате присмотра...

Большой Туган продолжал говорить, а я представляла другой завод и другую комнату. Я ведь тоже ходила с мамой на её работу. Всех детей, которых не с кем было оставить дома, родители приводили с собой. На каждом предприятии были специальные комнаты присмотра, где детей оставляли на весь день. Дежурная воспитательница записывала в тетрадь наши имена. Вдоль стен стояли шкафы с игрушками, а некоторые воспитательницы даже читали нам сказки из книжек. Сначала мы играли в комнате, потом обедали прямо там, за низкими столиками, а потом нас выводили гулять в заводской двор. Мне там очень нравилось. Среди старых ящиков можно было играть в прятки. В дальнем углу валялись старые упаковки от сырья: пластиковые коробки, обрывки верёвок, металлические полоски. Иногда мы строили из них башни, соединяли невысокими стенками, и получался целый город. Наши мамы в конце рабочего дня подходили к воспитательнице, звали нас, а нам не хотелось бросать игру.

От воспоминаний меня отвлек голос Большого Тугана: он изменился, задрожал, и я поняла, что Большой Туган рассказывает что-то очень важное. Я повернулась к нему и стала внимательно слушать.

– Сначала отец сказал, что сам меня всему научит. Стал мне буквы объяснять. Я вообще ничего не понимал. Он орал, кулаком по столу стучал. Потом на подзатыльники перешёл. Мама стояла рядом, смотрела и молчала. По-моему, она тоже отца боялась. А мне ничего не помогало! Сколько отец меня ни бил, а я так и не выучил буквы. Тогда он сказал маме: «Тупой у тебя сын. Не будет из него толку». Мама заплакала. Отец махнул рукой: мол, сама разбирайся, я больше не могу. И всё.

– Что – всё? – тихо спросила я.

После этого мама стала сама с ним заниматься. Она его не била, у неё были другие методы, она сидела с сыном до поздней ночи. У него глаза слипались, а мама не отпускала его спать. Требовала, чтобы он буквы запоминал. Большой Туган сначала не верил, что будет толк, но к концу года понемногу начал читать простые слова. Тогда мама ему показала, как пишется его имя. Большой Туган каждый день рисовал эти несколько закорючек, пока не стало получаться красиво.

Оставалось самое простое: научиться рисовать. Мама объясняла Большому Тугану: кружок посреди листа, от него палочки во все стороны – это как будто солнце. Он смеялся: какое же это солнце? Она сердилась, заставляла его самого попробовать. Он быстро понял, что лучше со всем соглашаться, и тогда мама его скорее спать отпустит. Рисовал и кружки с палочками, и облака, и человечков, и домики – лишь бы всё это закончилось.

Отец не пошёл с ними на предшкольное испытание. Сказал, что не хочет позориться. Большой Туган не боялся, он считал, что уже всё умеет. В вестибюле было полно народу. Все дети пришли с родителями, даже с бабушками и дедушками, только они с мамой вдвоём. Тут я не выдержала, вмешалась в его рассказ:

– Нет, не только. Ты меня не помнишь, но я ведь тоже в тот день на испытание приходила. Со мной была только тётушка Марта.

Конечно, он меня не запомнил. Как и я его. Дети нервничали, друг на друга не смотрели, каждый думал только о том, что его ожидает. Большой Туган рассказал, как к его маме подходили знакомые, спрашивали про папу, а она всем отвечала, что он не смог прийти из-за работы. В вестибюле было шумно – у Большого Тугана заболела голова. Мама посадила его на свободное место, сама стояла рядом. Когда подошла их очередь, Большому Тугану показали книжку, велели прочитать несколько строчек. Он запинался, но справился. Остальное было проще: написал имя, нарисовал картинку. Маме сказали, что всё в порядке, мальчика приняли в школу, можно идти домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.